

После разлуки

Наденьке

Веник похож на маленькую худенькую женщину в платье с широким подолом. Говорят же: подолом пол подметает. Вон какой сверкающий паркет в залах дворцов, в которых проводились балы. Танцевали и подола-ми глянec наводили.

Думаю так, вернувшись в Никольское и отыскивая веник. А до того был в Северной Африке. Иду — здась-те! Наш никольский скворец прыгает, пасётся на солнышке.

— Ах ты, — говорю, — вот ты где. Ты тут не загостился? Ты почему к нам весну не несёшь? Давай лети в Россию, тащи туда солнышко, а то там без тебя ничего не зацветёт.

— А сам-то ты чего здесь? — спрашивает скворчик. — За мной, что ли, прилетел? Ладно, возвращайся, скажи воробью, чтоб скворечник к моему прилёту освободил.

И вот я прилетел. Не сам крыльями махал, а на самолёте. И сразу в Никольское. А там, даже стыдно, до чего всё запущено. Бани в ледяной сырости, сарай протекает, колодец перемёрз.

Займусь для начала баней. Еле-еле нашёл немного сухих дров. А топор где их поколоть? Под лавку от меня залез, работать не хочешь? Нет, работает. Такой ловкий, такой ухватистый. А где пила? Куда сбежала? Нашёл за поленицей. Ну вот, украсились золотинками ржавчины. Специально, что ли, в сырости лежала? Ничего, вот это брёвнышко перетрём — прочистишься.

А печь-то как простужена, только что не кашляет. Затопил. Дым в трубу не хочет идти, хочет меня удушить. Глаза от него дерёт. Ничего, поплакать полезно. Печка про меня думает: «Поплачь, поплачь, сколько я тут без тебя плакала».

Ну, вроде, горит. Аж потрескивает. Дым вытянуло. Пар поднимается от плиты.

Теперь колодец. Конечно, шланг перемёрз. Да не на конце, а в середине, где соединение шлангов разного диаметра. Кипячу воду в чайнике, лью кипятком в шланг. И внутрь, и сверху поливаю. Ещё вскипятит, ещё размораживаю. Вот побежала водичка. Накачиваю воды в бак на лавке и в бак на плите. Воздух в бане чувствительно греется.

Теперь пора домом заняться. Где ты, веник? Лучше сказать: метёлка, где ты, вертихвостка? Именно женский у тебя характер. Забился куда-то и смеешься надо мной. Думаешь: «Пусть твоя хозяйка сама надевает русский сарафан да и метёт своим подолом».

Нашёл! Ещё же и совок нужен. А этот совок, прошу прощения, такое нечто! Да, в «совковом» время такой дряни не делали. Были и дешевле, и лучше. А этот — штамповка пластмассовая, да уже и с трещинами.

Пришёл соседский кот Бусик. Старый, как и я. Налил ему молочка. То ли кот сытый, то ли молоко теперешнее. Совсем не молоко — не пьёт. Ну ладно, пойдём Ральфа навестим. Тоже старичок. Выполз из будки, мотает тяжёлым хвостом. Я им рассказываю, что видел скворца.

«Ты, Бусик, только посмей к скворечнику полезть! Только посмей! — Жмурится, мигает, изображает невинного, будто и не лазил к скворечнику. — Я тебе помигаю!

На кормушке сидит воробей. И ему, и Бусику, и Ральфу рассказываю:

— Знаете, как скворцу долго и трудно лететь? Он же Мог и в Африке остаться, гнездо свить. Нет, нас любит, к нам летит. А мы как встретим? Один лает, другой за скворчатами охотится. А ему как далеко добираться! Два моря, Украина, Белоруссия, посередине Днепра полетит, нигде не остановится, именно к нам стремится. Скворчуху тут найдет. А ты, воробей, перезимовал в скворечнике — и честь знай, хозяину место освобождай. Ты же у меня из бани паклю таскаешь. Пожалуйста, не жалко. Но со скворцом больше не дерись, правда на его стороне.

Топится баня. В доме чисто. Лампадка горит в красном углу, иконы освещает. Слава Богу, нечисть в дом не заползёт. Зеленеет на окне герань. Смирно стоит у порога веник, рядом совок. Топор молодецки воткнулся в пеню, готов к новым трудам. Блестит пила, отчищенная работой. Будем дальше жить. Все вы у меня хорошие: и вещи, и птицы, и собака, и кот. Просто вы тоскуете без меня, вот для начала после

разлуки немного капризничаете. Это я виноват — уезжал. Но пока не получается не уезжать. А как бы хорошо: сидел бы в валенках на крыльце да кормил бы всех вас. Как-то наш скворчик? Над какими землями-морями летит? Мир под ним на земле и море или война? И долетит ли?

Бочка

Вспоминаю и жалею дубовую бочку. Она могла бы ещё служить и служить, но стали жить лучше, и бочка стала не нужна. А тогда, когда она появилась, мы въехали не только в кооператив, но и в долги. Жили бедно. Готовясь к зиме, решили насолить капусты, а хранить на балконе. Нам помогли купить (и очень недорого) бочку для засолки. Большую. И десять лет подряд мы насаливали по целой бочке капусты.

Ежегодно осенью были хорошие дни для засолки. Накануне мы с женой завозили кочаны, мыли и тёрли морковь, доставали перец-горошек, крупную серую соль.

Приходила теща. Дети помогали. К вечеру бочка была полной, а уже под утро начинала довольно урчать и выделять сок. Сок мы счерпывали, а потом, когда капуста учереждалась, лили обратно. Капусту протыкали специальной ореховой палочкой. Через три-четыре дня бочка переставала ворчать, её тащили на балкон. Там укрывали стёгаными чехлами, сшитыми бабушкой жены Надеждой Карповной, мир её праху, закрывали крышкой, пригнетали специальным большим камнем. И капуста прекрасно сохранялась. Зимой это было первое кушанье. Очень её нам хвалили.

В первые годы капуста кончалась к женскому дню, потом дно заскребали позднее, в апреле. Стали охотно дарить

капусту родным и близким. Потом как-то капуста дождала до первой зелени, до тепла, и хотя сохранилась, но перестала хрустеть. Потом, на следующий год, остатки её закисли.

Лето бочка переживала с трудом, рассыхалась, обручи ржавели, дно трескалось. Но молодец она была! Осенью, за неделю до засолки, притащишь её в ванную, чуть ли не по частям, подколотишь обручи и ставишь размочать. А щели меж клепками — по пальцу, и кажется — никогда не восстановится бочка. Нет, проходили сутки, бочка крепла, оживала. её ошпаривали кипятком, мыли с содой, сушили, потом клали мяту или эвкалиптовых листьев и снова заливали кипятком. Плотно закрывали. Потом запах дубовых красных плашек и свежести долго стоял в доме.

Последние два года капуста и вовсе почти пропала, и не от плохого засола — засол у нас исключительный, но не елась она как-то, дарить стало некому, питание, вроде, улучшилось, на рынке стали бывать...

Следующей осенью и вовсе не засолили. Оправдали себя тем, что кто-то болен, а кто-то был в командировке. Потом не засолили сознательно: кому её есть — наелись. Все равно пропадёт. Да и решили, что бочка пропала. У нее и клепки рассыпались. Но я подумал: вдруг оживёт?

Собрал бочку, подколотил обручи, поставил под воду. Трое суток оживала бочка, и ожила. Мы спрашивали знакомых: нужна, может, кому. Ведь дубовая, ещё сто лет прослужит.

Бочка ждала нового хозяина на балконе. Осень была тёплая, бочка вновь рассохлась. Чего она стоит? Только место занимает, решили мы, и я вынес бочку на улицу. Поставил её, но не к мусорным бакам, а отдельно, показывая тем самым, что бочка вынесена не на выброс, что ещё хороша. Из окна потом видел, что к бочке подходили, смотрели, но почему-то не брали. Потом бочку разбила мальчишка, сделав из неё ограду для крепости. Так и окончила жизнь наша кормилица. На балконе теперь пусто и печально.

Цветок с родинкой

Тебя звали Галия. А подлинное твоё имя — Миннугуль, то есть, в переводе с татарского — цветок с родинкой». У вас в семье были только девочки, четыре сестры: Минура, Фатима, Миннугуль и Фагиля. Все — красавицы редчайшие. Все отличницы. Но самой красивой была ты, Галия. После школы ты, золотая медалистка, пришла работать корректором в районную газету, где я уже работал литсотрудником. Тогда я и понятия не имел, что нравлюсь тебе: был влюблён в библиотекаршу Валию. Скрыть это было невозможно, я и не скрывал, звонил в библиотеку из редакции, договаривался о встрече. «Сколько же мне было страданий, когда ты ей звонил», — говорила ты потом.

Однажды ответственный секретарь редакции Владимир Петрович послал меня к тебе с гранками для вычитки. Ты болела и читала их дома. В переулке Горького я нашёл ваш маленький домик. Маленький и бедный снаружи, он был необыкновенно чист и наряден внутри. Валенки сами собой соскочили у меня с ног. Я стоял на цветных половиках, здоровался с грузной и суровой твоей матерью и объяснял ей, что принёс Гале работу. И увидел тебя, выскочившую в переднюю в длинном татарском халате, резко по красневшему и в повороте взметнувшую огромную россыпь чёрных волос.

Потом ты говорила, что именно тогда мать заметила твоё чувство ко мне, и, когда я ушёл, она сказала: «Убью, если выйдешь замуж за русского».

Следующим летом ты уехала поступать в институт и, конечно, сходу поступила. А с библиотекаршей Валей всё было покончено. И не по моей вине. И её не вино: она была старше меня, а я уходил в армию, а это ещё три года. Друзья и стихи помогли залечить рану, и вскоре сердце моё, хотя и ныло слегка, стало свободным.

Тут в редакцию пришло письмо от Гали.